

ПРЕВРАЩЕНИЕ КАК УНИВЕРСАЛИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2

<http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-346-32-40>

Дмитрий Анатольевич СЕВОСТЬЯНОВ,

доктор философских наук, доцент кафедры педагогики
и психологии Новосибирского государственного медицинского
университета, Новосибирск, Россия, e-mail: dimasev@ngs.ru

Аннотация: В статье анализируется превращение как универсалия культуры. В частности, решается вопрос, возможно ли рассматривать превращение в качестве универсалии культуры. Показано, что превращение соответствует всем критериям культурной универсалии. Превращение представлено во всех нынешних и ранее существовавших культурах. Превращение обладает основой, находящейся за пределами собственно культуры. Превращение становится нам доступным, будучи преломленным в человеческом сознании. Превращение не менее значимо для нас, чем другие универсалии культуры. Оно тесно соседствует с другими универсалиями культуры или проникает в них. Важно также, что в процессе превращения объект становится другим, но в то же время в определенном смысле остается самим собой. Это дает возможность хотя бы мысленно восстановить прежнее состояние данного объекта. Ключом к пониманию природы превращений является анализ инверсий в иерархической системе. Для этого следует представить превращаемый объект как иерархическую систему и выявить, как меняется соотношение элементов в данной иерархии в процессе превращения.

Ключевые слова: превращение, универсалия культуры, иерархия, системная инверсия.

Для цитирования: Севостьянов Д. А. Превращение как универсалия культуры // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. №3 (46). С. 32–40. <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-346-32-40>

TRANSFORMATION AS A CULTURAL UNIVERSAL

Dmitry A. SEVOSTYANOV, DSc in Philosophy,

Associate Professor at the Department of Pedagogy and Psychology,
Novosibirsk State Medical University, Novosibirsk, Russia, e-mail: dimasev@ngs.ru

Abstract: The article analyzes transformation as a universal of culture. In particular, the question is being solved whether it is possible to consider transformation as a universal of culture. It is shown that the transformation meets all the criteria of cultural universality. Transformation is represented in all current and pre-existing cultures. Transformation has a basis that is beyond the limits of culture proper. Transformation becomes available to us, being refracted in human consciousness. Transformation is no less significant for us than other universals of culture. It is closely adjacent to other universals of culture or penetrates into them. It is also important that in the process of transformation, the object becomes different, but at the same time, in a certain sense, remains itself. This makes it possible to at least mentally restore the previous state of this object. The key to understanding the nature of transformations is the analysis of inversions in a hierarchical system. To do this, it is necessary to present the object being transformed as a hierarchical system and identify how the ratio of elements in this hierarchy changes during the transformation process.

Keywords: transformation, universal culture, hierarchy, systemic inversion.

For citation: Sevostyanov D. A. Transformation as a cultural universal. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2022, no. 3 (46), pp. 32–40. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-346-32-40>

Введение

Среди значительного количества всевозможных культурных универсалий, известных современной культурологической науке, особое место принадлежит такому примечательному и поистине многогранному понятию, как *превращение*. Будучи включенным в мифологию, представленным в фольклоре, встроенным в структуру религиозных верований, превращение представляет собой хотя и весьма своеобразную, но неотъемлемую часть мирового культурного достояния. Идея превращения постоянно встречается и в мифе, и в эпосе [3]. Превращениями пронизан огромный пласт фольклора, относящийся к категории волшебных сказок. Наконец, современные мировые религии неизбежно включают в себя идею превращений [13].

Можем ли мы с полным на то основанием относить превращение к универсалиям культуры? Для этого следует рассмотреть, в какой мере данное явление обладает определяющими свойствами, присущими всем другим культурным универсалиям. Такие свойства были уже проанализированы автором данной статьи в одной из предыдущих работ [10]. Кроме того, нам предстоит рассмотреть формальную сущность самого превращения, а также проследить, каким образом данный феномен стал достоянием человеческого мышления. Разумеется, всесторонний и всеобъемлющий анализ такого сложного и распространенного явления не может быть представлен в рамках одной статьи; вернее будет сказать, что в ней можно привести лишь предварительный набросок, аннотацию культурологического исследования, затрагивающего вопросы превращений.

Соответствие превращения критериям культурной универсалии

Итак, обладает ли превращение характеристиками, присущими универсалии культуры?

Первое свойство любой универсалии культуры состоит в ее всеобщности; универсалия культуры, чтобы она могла считаться таковой, должна быть представлена в культурном контенте всех ныне существующих и ранее существовавших народов Земли. В отношении превращения это действительно так. Идея превращения некоторой сущности в другую, нетождественную ей сущность, представляет собой поистине всеобщее достояние. По-видимому, не найти народа, в мифах и сказках которого не фигурирова-

ли бы какие-либо превращения. Мировая художественная культура наполнена рассказами о всевозможных превращениях. Превращения присущи сказочным героям; превращения составляют неотъемлемую часть мифов; мы находим их и в Ветхом, и в Новом Завете. Так, настоящей энциклопедией всевозможных превращений может быть названо известное произведение Публия Назона Овидия «Метаморфозы». Достаточно вспомнить судьбу искусной ткачихи Арахны, дерзнувшей состязаться в своем ремесле с самой богиней Афиной и превращенной за это в паука, обреченного вечно ткать и ткать свою паутину [8].

Будучи представлена в мифологии и в фольклоре, идея превращений, наряду с прочим содержанием этого культурного контента, что называется, пронизывает время; она повсеместно выявляется и при синхроническом, и при диахроническом подходе к исследованию культурных феноменов. Для современного человека идея чудесных превращений выглядит сказочной, оторванной от реальности, хотя и в этом случае по-прежнему составляет неотъемлемую часть его культуры; но чем глубже мы погружаемся в древность, в родоплеменную архаику, тем более реалистичными выглядели превращения в глазах живших тогда людей. Однако неизменной остается закономерность, согласно которой представления о всевозможных превращениях проявляются решительно в любой культуре.

Вторым обязательным свойством, которым, насколько можно судить, обладает любая универсалия культуры, может быть названо наличие у данного культурного явления некоего внекультурного (физического, биологического, физиологического) базиса. Иначе говоря, истоки культурной универсалии располагаются за пределами собственно человеческой культуры; именно поэтому культурная универсалия и приобретает присущую ей всеобщность. Превращение обладает и этим свойством. Если в приложении к другим универсалиям культуры порой можно найти такой внекультурный базис только в одной какой-нибудь предметной области, то в отношении превращений их можно выявить множество. Так, превращения могут носить физическую природу. Человек в своем обиходе, например, нередко является свидетелем таких несомненных превращений, как изменения агрегатного состояния вещества: вода может на наших глазах превратиться в лед или в снег (с бесчисленным разнообразием формы снежинок), или обратно в воду, или, испарившись, даже приобрести газообразное состояние. Некоторые физические превращения стали известны (по историческим меркам) относительно недавно, например, радиоактивный распад и термоядерный синтез, при которых, как известно, один химический элемент превращается в другой (хотя превращения химических элементов с неизменным получением в результате золота и прежде были предметом вожделения для многих поколений алхимиков). В биологии мы можем наблюдать множество превращений живой материи: из крохотного

семечка вырастает огромное дерево; гусеница превращается в куколку, а та в бабочку. Наконец, и человек из младенца превращается в отрока, далее в юношу, в зрелого субъекта, а затем и в старика. После смерти наши старшие родственники превращаются в почитаемых предков. Наконец, превращения свойственны мысленным конструктам; это требует отдельного разговора. Короче говоря, вполне реальные превращения окружают нас повсюду; так стоит ли удивляться, что человеческое воображение все время несколько раздвигает рамки возможного в отношении превращений.

Но универсалия культуры, имеющая какую-либо внекультурную основу, по определению не сводима к этой основе; она преломлена через человеческое сознание, она феноменологична, и в этом состоит следующее значимое свойство всякой культурной универсалии. Превращения, которыми оперирует сознание человека, именно таковы; они зачастую пребывают за пределами действительной реальности, они суть принадлежность реальности сказочной, фантастической, созданной человеческим воображением.

Далее: универсалия культуры, чтобы считаться таковой, должна обладать в человеческом обществе (и в нынешнем, и в прежних обществах) достаточно большим значением. Превращения как феномена это касается в полной мере. Как уже сказано, превращения, представленные в фантастической, выдуманной реальности, реализуются воображением, а воображение представляет собой ныне весьма востребованный познавательный психический процесс, ибо оно лежит в основе такого несомненно значимого свойства личности, как креативность. Человек видит свое предназначение, в частности, в том, чтобы преобразовывать (т. е. *превращать*) окружающую действительность. И он превращает ее – нередко во что-то лучшее, но случается, к сожалению, и наоборот. Планируемое и реализуемое превращение лежит в основе деятельности и в том случае, когда превращению подвергается сама человеческая личность – например, в работе педагога. Отсюда видно, сколь значительное место занимает в нашей жизни идея превращений.

Помимо этого, универсалии культуры имеют свойство взаимопроникновения; они тесно контактируют друг с другом, и их проявления обнаруживаются в других культурных универсалиях, что и не удивительно, поскольку все вместе эти универсалии образуют целостное тело культуры. Это вполне можно сказать и о превращениях. Так, определенное превращение (перевоплощение) претерпевает человек, участвующий в игре; он берет на себя определенную роль, вживается в некоторый посторонний образ и как бы временно переселяется в него. Игра же представляет собой отдельную (и несомненно существующую) универсалию культуры. Можно найти и иные примеры превращения в контексте других, соседствующих культурных универсалий. Например, сакрализация предков (эвгемеризм),

несомненно, имеет характер превращения, и она объединяет это явление с другой универсалией, которой, собственно, и является сфера сакрального. Точно так же объединяет превращение со сферой сакрального идея переселения душ, которая является общим достоянием очень многих народов и культур.

Наконец, чтобы считаться полноценной универсалией культуры, превращение (как феномен) должно, при сохранении формального постоянства, обладать локальной содержательной изменчивостью (а как следствие – способностью применяться к различным обстоятельствам места и времени). Таким свойством данное явление вполне обладает. Превращения мы встречаем в мифологии первобытных народов (они были выявлены во множестве антропологических исследований). В трудах Э. Б. Тайлора, К. Леви-Строса, Л. Леви-Брюля [2, 4, 5, 6, 11] мы находим множество указаний на веру во всевозможные превращения, но эти превращения выглядят существенно иначе, чем превращения в западноевропейских и русских волшебных сказках. Сказочная реальность во всяком случае отделена от «настоящей», повседневной реальности; сама сказка есть то, что «сказывается», а ведь мы знаем, что не все сказанное следует воспринимать на веру; первобытное же мышление предполагает наличие превращений именно в повседневности. Соответственно, человек в первобытном сообществе строит свое поведение, исходя из принятия полной реальности всевозможных волшебных превращений.

Превращение в структуре мышления человека

Выше говорилось о том, что явление превращения (метаморфоза) представлено в окружающей нас действительности; будучи отражено в человеческом сознании, преобразовано в нем, превращение становится основой фантастической (сказочной) реальности. Однако это, что называется, еще не вся правда; феноменология превращения коренится в самой природе человеческого мышления.

Мышление человека строится в первую очередь на символических операциях, на операциях с символами. Но что есть символ? Символ представляет собой реальный объект (в мыслительных операциях, соответственно, отображение некоторого реального объекта), которому придан некоторый внешний по отношению к этому объекту смысл. Змея, обвившая чашу («сосуд Гигеи») – символ медицины. Слон – символ Республиканской партии в США. Медведь – символ России, а дракон – символ Китая. Иначе говоря, символ (объект, чаще всего наделенный вполне реальным и самостоятельным бытием, а иногда и бытием фантастическим) приобретает функцию означающего при некотором означаемом. А приобретение этой внешней функции уже есть не что иное, как элементарная (отображенная

в сознании) форма превращения. Был просто слон, реальное животное – а стал Слон, представляющий собою означаемое.

Однако превращение реального объекта в символ путем придания ему дополнительного, не присущего ранее смысла – это лишь одна сторона превращений, которые возможны в структуре человеческого мышления. Как только мыслимый образ оказался оторван от своей реальной основы, приобретя тем самым собственное бытие – появилась возможность там, в мыслимой реальности, совершать с этим образом решительно любые действия, делать с ним практически что угодно, любым способом далее *превращать* его. Человеческое воображение, как известно, в этом отношении пределов не знает. Известен и давно описан ряд приемов воображения. Образ может быть преувеличен (гиперболизация) и преуменьшен (литота), он может быть слит воедино с каким-либо другим образом (аглютинация). Отражая изначально неживой предмет, он может приобрести черты и живого, и даже разумного (олицетворение). Образ может быть перенесен в другие, несвойственные ему изначально обстоятельства места и времени (перемещение). Образу могут быть даны свойства, которых изначально отображавшийся в нем объект не обладал (придача). У образа может быть преувеличено и даже карикатурно раздуто какое-либо одно свойство или признак (заострение). Образ может быть предельно упрощен до состояния пиктограммы или детали орнамента (схематизация). Образ может создаваться на основе сходства с чем-то уже существующим, например, с каким-либо природным объектом (аналогия), но иметь при этом совершенно иные свойства. Наконец, образ может быть выстроен таким образом, что он станет носителем типических черт целого класса объектов из реального мира (типизация). А если учесть, что все эти приемы могут применяться совместно и во всевозможных сочетаниях, то приходится констатировать, что для превращений образов поистине нет границ.

Однако символ подвержен превращениям не только в содержательном отношении, но и в формальном. Символ может быть преобразован в *знак*: в отличие от символа, обладающего свойством самостоятельного бытия, знак собственным бытием не обладает, он как бы «освобожден» от него. Если символ есть отображение реального объекта, но притом выполняет функции означающего, то знак, в отличие от символа, и существует исключительно только потому, что выполняет функцию означающего; вне этой функции он ничего не значит. Превращение символа в знак представляет собой закономерный этап развития человеческого мышления.

Свойства превращенного объекта

Превращенный объект представляет собой некоторую новую сущность. Однако эта новая сущность непременно имеет некоторую связь с сущнос-

тью старой, прежней, такой, какой она была до акта превращения. Это есть необходимое условие всякого превращения. В некоторых случаях в результате этого превращение может быть обратимым; в сказках превращение часто длится только до того момента, когда смогут развеяться злые или добрые чары (если они не вечны). Так, с боем часов карета Золушки снова превращается в тыкву, кучер – в крысу, а лошади – в мышей. Но даже если обратное превращение и невозможно, то и в этом случае превращенный объект (или субъект) непременно несет в себе нечто от «прежнего себя». В результате акта превращения он не просто стал чем-то новым, он остается при этом «превращенным старым».

В совершенном магическом способе превращении часто бывает заложена идея наказания (так, например, была наказана вышеупомянутая искусная ткачиха Арахна). Согласно заложенной в данной мифологической истории концепции, она не просто *стала* пауком – совершенно отдельным, особым живым существом; она при этом неизбежно должна была быть по-прежнему наделена человеческим самосознанием, способностью мыслить и страдать, пребывая в этом новом (и отныне вечном) для себя состоянии (то есть осознавать, что наказана и *за что* наказана). В противном случае данное наказание не могло бы уже считаться наказанием; попросту говоря, Арахна (или любой другой персонаж, *наказанный* превращением в некую низшую сущность) была бы не наказана, а уничтожена. А уже *вместо нее* был бы создан паук, просто паук – и ничего более. Уничтоженный же субъект (в отличие от наказанного) не в состоянии делать выводы о своем ненадлежащем поведении, за которое его и постигла кара, он не может переживать страдания по этому поводу. Но тогда исчезает самый смысл такого превращения; он представлен разве только в виде назидания другим, кто еще не был наказан – но и назидание в этом случае порождает лишь страх уничтожения, а не превращения в низшую сущность.

Однако и в тех случаях, когда превращение не несет в себе идею наказания, превращенный объект (или субъект) все равно сохраняет со своей прежней сущностью некоторую общность. Эта общность может носить глубоко символический характер, но присутствует она всегда.

Превращение и системная инверсия

Превращение представляет собой весьма своеобразное действие, понять суть которого можно, только если предпринять анализ объекта превращения как иерархической системы. Строго говоря, всякий объект, который может рассматриваться как система (то есть как совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство) [12], имеет иерархическую структуру – таково общее свойство подобных объектов. И именно в иерархи-

ческой структуре проявляется такое свойство, как способность к развитию системной инверсии. Системная инверсия представляет собой форму отношений, при которой некоторый низший, подчиненный элемент иерархии фактически приобретает в ней главенствующий характер, формально при этом оставаясь все-таки на своей невысокой иерархической позиции [9]. И концепт системной инверсии, как представляется, может быть назван ключом к пониманию сущности феномена превращения (именно феномена, то есть явления, данного нам в преломлении через человеческое сознание).

Концепция превращения приобрела особое звучание в учении о превращенных формах, которое восходит к работам К. Маркса [7]; получив самостоятельное развитие, данная концепция предоставила нам возможность более полно раскрыть суть самого феномена превращения. Превращение (появление превращенной формы некоторого объекта) в структурном отношении представляет собой результат завершенной (а вернее сказать – разрешившейся) системной инверсии. В иерархической системе некоторый второстепенный, вспомогательный элемент, как уже говорилось, приобретает функции главного, главенствующего; в то же время формально он остается пока в своем подчиненном состоянии. Но вот однажды его новое (вышестоящее) положение приобретает «узаконенный» вид. И в итоге сама система, в которой произошли все эти изменения, становится чем-то иным, чем она была, переходит в качественно новое состояние – то есть превращается. Но превратившись, она становится *превращенной формой* себя прежней, то есть продолжает нести в себе всю ту же (или почти ту же самую, лишь в чем-то изменившуюся) «элементную базу» бывшего до превращения объекта, которая вполне доступна для распознавания. Это свойство нашло отображение в культуре. Примером этого является маленькая золотая корона на голове у сидящей в болоте лягушки, которая позволяет нам опознать заколдованную (*превращенную*) царевну. Данное свойство превращенных объектов делает возможной «археологию явлений и процессов» [1], в результате осуществления которой реализуемо хотя бы и мысленное возвращение превращенной форме ее первоначального облика, определение исходного пункта произошедшего превращения. Поэтому, когда мы утверждаем, что нечто А является превращенной формой некоторого Б, мы опираемся на такое оставшееся неизменным (или количественно измененное, но в целом сохранившееся) свойство.

Заключение

Итак, превращение, несомненно, может рассматриваться в качестве универсалии культуры. Повсеместная распространенность отображений этого явления в различных культурах, наличие у него внекультурной базы, его феноменологичность, наличие в его проявлениях локального разно-

образа, его взаимопроникновение с другими универсалиями культуры, то есть наличие свойств, присущих и всем другим культурным универсалиям, позволяет уверенно судить об этом. И хотя превращениям во всех их возможных проявлениях посвящено значительное количество упоминаний в литературе, само явление превращения оставалось до настоящего времени достаточно слабо исследованным. Изучение превращения может производиться с разных сторон, и некоторые аспекты такого перспективного исследования показаны в этой статье. В качестве ключа к исследованию превращения может рассматриваться анализ инверсивных отношений в иерархических системах.

Список литературы

1. *Белокрылова В. А.* Проблема превращенных форм и перспективы общественной рациональности // *Науковий вісник Чернівецького університету. Збірник наукових праць.* 2008. Випуск 412–413. Філософія. С. 212–216.
2. *Горячев В. В.* Концепция «первобытного мышления» Леви-Брюля в современной психологии // *Гуманитарный научный вестник.* 2020. № 1. С. 68–72.
3. *Коломакина Б. А., Трубецкой С. А.* Мифологическая основа мотива превращения в эпосе // *Эпосоведение.* 2019. № 2 (14). С. 48–57.
4. *Леви-Брюль Л.* Первобытный менталитет. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2002. 400 с.
5. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. Москва: ТЕРРА–Книжный клуб; Республика, 1999. 392 с.
6. *Леви-Строс К.* Путь масок. Москва: Республика, 2000. 399 с.
7. *Маркс К.* Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия // *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.* Т. 26, Ч. III. Москва: ИПЛ, 1964. С. 471–568.
8. *Овидий Публий Назон.* Метаморфозы / Пер. с лат. С. Шервинского. Москва: Художественная литература, 1977. 430 с.
9. *Севостьянов Д. А.* Противоречие и инверсия. Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2015. 245 с.
10. *Севостьянов Д. А.* Универсалии культуры как основа культурологического знания // *Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств.* 2021. № 3 (42). С. 5–12. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-342-5-12>
11. *Тайлор Э. Б.* Первобытная культура. Москва: ИПЛ, 1989. 573 с.
12. *Теплов В. П.* Базовые философские категории системного анализа // *Journal of Siberian Medical Sciences.* 2006. № 1. С. 9.
13. *Шаров А. С.* Превращения в культуре и развитии человека // *Вестник Омского гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования.* 2014. № 3 (4). С. 35–38.